

Портрет Эпохи

С Валентин СЕРОВ

Любимый сын, отец и друг

*Воспоминания современников о жизни
и творчестве выдающегося художника*

Москва
Издательство АСТ

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В 15

Дизайн обложки *Анны Кузьминой*

В оформлении обложки использована
репродукция картины В.А. Серова «Девочка с персиками» (1887),
предоставленная Государственной Третьяковской галереей

Составление, предисловие, комментарии *Тимофея Прокопова*

В 15 Валентин Серов : Любимый сын, отец и друг : воспоминания современников о жизни и творчестве выдающегося художника /Сост., предисл., коммент. Т.Ф. Прокопова. — Москва: Издательство АСТ, 2018 – 384 с.; ил. — (Портрет Эпохи).

ISBN 978-5-17-105716-9

При упоминании имени Валентина Серова перед глазами сразу появляется картина «Девочка с персиками», знакомая каждому с детства.

В ранних картинах художника угадывается стиль импрессионистов, который со временем перерастет в особую индивидуальную манеру письма. Этот великий труженик, человек уникального дарования, богатой духовной жизни, редкой внутренней красоты, от природы очень молчаливый и настойчивый в раз и навсегда избранных принципах, был прекрасным пейзажистом и графиком, но прославили его все же работы портретного жанра. В умении на полотне показать человека живым и точно передать его внутреннюю суть равных Серову не было.

Любим и почитаем он и сегодня, что ярко показала выставка, приуроченная к 150-летию художника, – на ней побывало около полу-миллиона посетителей.

Настоящая книга вобрала в себя воспоминания о Валентине Серове его современников: матери, дочери, коллег и писателей.

ISBN 978-5-17-105716-9

УДК 84.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Т.Ф. Прокопов, составление,
предисловие, комментарии, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Король русского портрета

Со смертью В.А. Серова перестал жить, быть может, величайший русский художник наших дней.

Валерий Брюсов

Живописец Серов дома и в странствиях

Без малого столетие охватывается жизнью и деятельностью трех Серовых, выдающихся представителей русской культуры – композитора, основоположника русской музыкально-критической и музыковедческой публицистики Александра Николаевича (1820–1871), его жены – композитора, публициста и общественной деятельницы Валентины Семеновны (1846–1924), их сына-живописца Валентина Александровича (1865–1911). В библиотечных каталогах о каждом – сотни статей и очерков, им посвящены научные труды и монографии. Но лишь одна из книг вошла в наши дни с титулом раритетной. Это объемистый том «Серovy, Александр Николаевич и Валентин Александрович. Воспоминания В.С. Серовой» (СПб: Шиповник, 1914), самые интересные страницы которого представлены сегодняшним читателям.

Книга матери великого живописца редкой стала прежде всего потому, что был мал ее тираж, а время сделало издание к тому же и незаслуженно забываемым, несмотря на то, что это было и первое, и едва ли не самое достоверное из биографических повествований о семье уникальной, необычайной, вокруг которой объединялось несколько поколений деятелей как российской, так и европейской культуры. Из сотен имен, попавших в орбиту семейного и дружеского общения

трех Серовых, назовем хотя бы всем известных: композиторы Михаил Глинка, Рихард Вагнер, Гектор Берлиоз, Ференц Лист, Александр Даргомыжский, Николай Римский-Корсаков, Петр Чайковский; живописцы и искусствоведы Илья Репин, Владимир Стасов, Константин Коровин, Михаил Врубель, Александр Бенуа, Лев Бакст, Анри Матисс, Сергей Щербатов, Николай Рерих, Михаил Нестеров, Игорь Грабарь; писатели Владимир Одоевский, Аполлон Григорьев, Иван Тургенев, Лев Толстой, Федор Достоевский, Аполлон Майков, Александр Островский, Глеб Успенский, Николай Лесков, Максим Горький; деятели театра Константин Станиславский, Федор Шаляпин, Сергей Дягилев, Василий Качалов, Иван Москвин...

«Родился маленький серовчик»

Свои повествования мемуаристка начала с того года, когда она, студентка Петербургской консерватории, ученица самого Антона Рубинштейна, подававшая надежды немалые, пришла к решению, ошеломившему и педагогов, и родителей: уйти из консерватории. Уйти не потому, что почувствовала себя бездарной или разочаровалась в музыке. Нет, ни то ни другое: музыка по-прежнему оставалась смыслом ее жизни. А случилось то, что бывает в юности со всеми: шестнадцатилетняя консерваторка вначале увлеклась сочинениями в ту пору уже известного (с репутацией язвительного и саркастичного, которого побаивались и остерегались) музыкального публициста и композитора Серова, а затем, с ним познакомься, пылко в него влюбилась. С этого времени Александр Николаевич стал для нее и супругом, и самым доверительным другом, и наставником в музыке. К последнему добавим: наставником требовательным и весьма успешным. Забегая вперед, скажем: под его водительством Валентина Семенов-

на выросла в интересного музыканта, стала первой в России женщиной-композитором: она написала пять опер, в том числе «Уриэль Акоста» (1885) и «Илья Муромец» (1899; главную роль исполнил Шаляпин), шедших на главных наших сценах.

«Мы жили с Серовым, – вспоминает мемуаристка, – идеалами сороковых годов: проливали слезы над “Ундиной” Ламонтт-Фуке, наслаждались живописью Брюллова; находили Сусанина живым лицом; “Записки охотника” считали апогеем знания народа». Но вскоре захватило другое. Валентина Семеновна этому другому дала свое название: «яд 60-х годов». Александр Николаевич не очень-то разделял увлечение юной супруги шестидесятниками, их кружком «Труженики науки». Ее гости – небрежно одетая молодежь, шумная, бесцеремонная, одержимая протестными идеями. Позже Валентина Семеновна этих подражателей нигилисту Базарову из тургеневского романа «Отцы и дети» и их ассамблеи, собиравшиеся в ее комнате, обзовет «зверинцем 15-й линии» (Серовы в Петербурге жили на 15-й линии Васильевского острова). Фрондерство «мальчишек» и «девчонок», их крикливые споры раздражали и возмущали не только Александра Николаевича, но и тех, кто приходил к нему на четверговые музыкально-литературные журфиксы-посиделки, а это были художники Репин и Ге, скульптор Антокольский, путешественник Миклухо-Маклай, писатели Майков, Достоевский, Григорьев, Тургенев, Островский.

Казалось, как сохраниться такой семье, раздираемой контрастами и разновкусиями? Но у Серовых помимо пылкой взаимной любви было еще и то, что скрепляло их супружеский союз надежно и нерушимо: «пробуждение с мазуркой, чаепитие с Гомером и Шекспиром, потом музыка, музыка и музыка». Об этом Валентина Семеновна в книге рассказывает подробно. На судьбу семьи благодатное влияние оказали Михаил Глинка («эта музыка была для меня полным очарованием, никогда мною до того не испытанным»), Ференц Лист

(«могучее явление») и особенно Рихард Вагнер («музыкант будущности», «из артиста немецкого он сделался артистом всесветным»).

Многолетнее общение и переписка Серовых с музыкальными знаменитостями переросли в трогательное дружество с ними. Когда Александр Николаевич Серов в 1871 году скорпостижно скончался, Рихард Вагнер в письме к историку литературы, профессору Дерптского университета Павлу Александровичу Висковатому написал: «Кончина именно этого нашего друга очень ясно вызывает у меня мысль, что смерть не может похитить от нас окончательно человека истинно благородного и горячо любимого. Для меня Серов не умер, его образ живет для меня неизменно. Только тревожным заботам моим о нем суждено прекратиться. Он остается и всегда останется тем, чем был, – одним из благороднейших людей, каких только я могу себе представить: его нежная душа, его чистое чувство, его ум, оживленный и просвещенный, сделали искреннюю дружбу, с которою относился ко мне этот человек, драгоценнейшим достоянием всей моей жизни».

В январе 1865 года, когда Серов завершал оркестровку своей второй оперы «Рогнеда», в его семье произошло событие, приведшее, как пишет Валентина Семеновна, «нас в неопикуемый восторг»: «родился маленький Серовчик» – сын Валентин, которому выпала честь прославить фамилию более отца и матери, правда, не в их сфере искусства, а в живописи. Не удивительно поэтому, что впоследствии именно сына мемуаристка сделала центральной фигурой своей семейной хроники. Особенно интересен для нас ее очерк «Как рос мой сын» (он в 1968 году был переиздан по рукописи, без сокращений и с дополнениями). Этот мемуар интересен прежде всего тем, что мы в нем находим свидетельства уникальные и о детско-юношеских, и о взрослых годах будущего гения – от его образовательного и профессионального уче-

ничества с домашними учителями, продолженного в 1-й Московской классической прогимназии и Московском училище живописи, ваяния и зодчества, до последнего мига его преждевременно, на 47-м году, оборвавшейся жизни.

«Зачем люди путешествуют?»

Всю жизнь проведенный в странствиях Валентин Серов на этот однажды ему заданный вопрос, почти не задумываясь, ответил, что не знает, для чего путешествия нужны другим, но он художник и потому должен много видеть, много общаться, много запечатлеть. Наверное, так же ответили бы и его родители – музыканты и артисты, ездившие и по России, и по странам Европы, презрев нужду, довольствуясь малым. Лишь в последний год своей недолгой жизни Валентин Александрович произнес фразу-итог: «В Париж, Рим приезжаю почти как в Москву и Петербург», изумившую даже его самого («Неужто такое теперь могу легко себе позволить?»). Наверно, слова эти навеяны были тем, что никогда не забывалось, как непросто добывались, зарабатывались усердным трудом средства на поездки туда, куда хотелось. «Не нужно ли кого еще писать – черт возьми, а то плохо», – пишет он другу-художнику Илье Остроухову, заметьте – 7 августа 1905 года, когда был уже и в славе, и в почестях.

Так случилось, что его первое странствие совершилось, когда он вот-вот должен был появиться на свет. Это была поездка его родителей к Рихарду Вагнеру в 1864 году. А в 1869-м Серовы уже с четырехлетним «Валентошкой» («Тошкой», «Антошкой», «Тоней») снова выехали в Швейцарию к Вагнеру, позвавшему друзей на свою виллу в Люцерне. Его отгороженный участок на берегу озера охранялся гигантским ньюфаундлендом по кличке Russ («Русский», – ликовал Тошка, еще не зная, что в переводе это всего лишь «Черный»).

Пес с утра до вечера отпугивал басистым рыком назойливых туристов, готовых лезть через решетку ограды, – только бы ближе разглядеть гениального реформатора музыки и его гостей. Подругой детских игр Тошки стала тогда такая же малышка, как и он, дочь композитора Ева Вагнер. А музыка немецкого гения с той далекой поры вошла в число его увлеченностей.

В 1871 году Валентина Семеновна похоронила мужа и уехала с сыном к друзьям в Баварию. Она прожила в Мюнхене и Мюльтале почти три года, завершая свое музыкальное образование у капельмейстера Леви. Здесь ей тогда впервые открылось в сыне неожиданное и радостное: «Он обнаруживал выдающееся дарование, в этом меня окончательно убедил Антокольский, которому я послала его рисуночек (клетка со львом). Я ужасно боялась преувеличить свое увлечение его даровитостью, не желая делать из него маменькина “вундеркинда”, этого я страшилась более всего. Отзыв Антокольского был таков, что я немедленно принялась разыскивать учителя солидного, обстоятельного. Нашла я его в художнике Кёппинге, человеке тонко образованном, с развитым вкусом, с широкими художественными запросами».

Тогда же Валентина Семеновна подарила сыну альбом, на котором написала: «Тоня Серов. № 1». Вскоре к ним она добавила еще два, быстро заполнявшиеся рисунками. «Это были лучшие годы Тошиного детства», – читаем в ее мемуарах, а о Мюнхене она скажет: «колыбель его художественного воспитания». Позже и сам художник напишет, что именно Мюнхен и его Пинакотекa пробудили в нем неотвязное желание писать так, как «старики» Рембрандт, Веласкес, Брейгель: их великие картины покорили, подчинили, вселили стремление к мастерству высокому, не допуская «коекакства» (этим словечком его друг князь Сергей Щербатов окрестил того злейшего врага, с которым Серов всю жизнь боролся, добиваясь совершенства).

Как ученик перерос самого Репина

Будучи в Риме, Валентина Семеновна показала новые Тошины рисунки опять Антокольскому. Марк Матвеевич, к этим дням уже всем известный скульптор, «очень серьезно отнесся к его дарованию и посоветовал несколько оживить его учение, предоставив его руководству талантливого русского художника». И тут самое важное: «Он указал на Репина», которого Валентина Семеновна «хорошо знала и очень ценила». А далее – поездка в Париж осенью 1874 года, где жил тогда Репин.

Илья Ефимович позже вспоминал, как произошло, что его, маститого и знаменитого, изумил тогда талантом еще совсем ребенок. Вот что, не сдерживая восторга, говорил он о своем девятилетнем (!) ученике: «Очень талантливый мальчик», «Божьей милостью художник». А позже в «Материалах для биографии» Серова написал: «В мастерской он казался старше лет на десять, глядел серьезно и взмахивал карандашом решительно и смело. Особенно не по-детски он взялся за схватывание характера энергическими чертами, когда я указал ему их на гипсовой маске. Его беспощадность в ломке не совсем верных, законченных уже им деталей приводила меня в восхищение: я любовался зарождающимся Геркулесом в искусстве».

Уезжая из Парижа, «Геркулес в искусстве» увозил в Россию шестнадцать альбомов, заполненных рисунками. С осени 1878 года его ученичество продолжилось в московской мастерской Репина в Большом Трубном переулке. «В Москве, – пишет Валентина Семеновна, – Тоша первым делом умчался тотчас же к Репину: он был счастлив, словно к берегу причалил после долгого плавания, долгого пребывания на чужбине. Репины встретили его как близкого родственника, пригостили, обласкали. Снова хождение в ателье, снова прогулки с рисуночками в папках, посещение выставок, знакомство с художниками. Тоша ожил, зажил “своею” жизнью».

На воскресных репинских вечерах рисования он прилежно копирует портреты, написанные учителем, внося при этом всякий раз нечто свое, а еще – учится изображать обнаженные натуры. Делает он это не один: тут же, возле него, за мольбертами знаменитости того времени – Василий Суриков, Виктор Васнецов, Василий Поленов, приходившие на совместные мастер-классы. Юный Серов уже знал их работы, более того: Репин научил его отличать художнические приемы, манеру и трактовки каждого. То, что с ним рядом большие, признанные мастера, для него, еще только будущего портретиста, делающего первые шаги, стало наглядным уроком, лучшей школой. А когда Серов нарисовал портрет дочери Репина, Илья Ефимович предложил ему: «Нарисуй-ка и меня». Этот рисунок (под ним дата: «9 октября 1879 г.») Игорь Грабарь позже назовет «самым похожим портретом Репина, какой с него когда-либо был сделан». «А теперь я тебя», – предложил в тот же день Репин. И появился самый первый портрет Серова. Учитель уловил и запечатлел своего четырнадцатилетнего ученика сосредоточенно-замкнутым, не по годам серьезным, погруженным в раздумья – таким, каким его и впоследствии видели чаще всего друзья.

В первых портретных работах Серова, выполненных – заметим особо – под зорким оком мэтра Репина, Грабарь отметил пока только одно, хотя и главное, их качество: «похожесть», то есть довольно точное воспроизведение модели. Подлинно серовская новаторская портретистика (о ней речь дальше) была еще впереди, она только ожидалась и торила свой путь робко, на картинах проявлялась пока в деталях и частностях.

В 1880 году Репин берет с собою Серова в рабочую поездку по Украине, длившуюся с мая по сентябрь. Киев, Одесса, Чернигов, остров Хортица на Днестре, Запорожье – здесь ученик, как всегда, прилежно выполняет задания учителя:

вырисовывает детали и предметы быта для будущих репинских картин, в том числе для его монументального полотна «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», над которым работа шла с 1878 до 1891 года. До этой поездки мать говаривала сыну мечтательно: «Когда ты будешь художником...» А теперь под впечатлением характеристик Репина Валентина Семеновна стала обращаться к своему Тоше только так: «Ты как художник...» Сам же юный рисовальщик всячески сторонился завышенных самооценок, оставаясь прилежным учеником.

Ощущение неудовлетворенности содеянным, обретенное им в мюнхенской Пинакотеке еще мальчиком, немевшим перед полотнами великих, усилилось и утвердилось в юности. Свою малость и незначительность он особенно остро осознал во время своего первого (восторженного!) странствия по Италии. В приятельской компании с художниками Ильей Остроуховым, Михаилом и Юрием Мамонтовыми он в мае 1887 года побывал в Венеции, Флоренции, Милане. Деньги на это запомнившееся ему путешествие он зарабатывал в течение пяти месяцев, выполняя заказ тульских помещиков Селезневых – плафон «Феб лучезарный». В письме к невесте Ольге Федоровне Трубниковой читаем: «Милая моя Леля, прости, я пишу в несколько опьяненном состоянии. Да, да, да. Мы в Венеции, представь. В Венеции, в которой я никогда не бывал. Хорошо здесь, ох как хорошо. Вчера были на “Отелло”, новая опера Верди, чудесная, прекрасная опера. Артисты – чудо. Таманьо молодец – совершенство... У меня совершенный дурман в голове, но я уверен, что все, что делалось воображением и рукой художника, – все, все делалось почти в пьяном настроении, оттого они и хороши, эти мастера XVI века, Ренессанса. Легко им жилось, беззаботно. Я хочу таким быть, беззаботным; в нынешнем веке пишут все тяжелое, ничего отрадного. Я хочу отрадного и буду писать только отрадное».

В Россию Серов возвращался в возбужденном состоянии (быстрее, быстрее к мольберту!). Никуда не заезжая, сразу в Абрамцево, к Мамонтовым, туда, где ему были всегда рады, где очень хорошо работалось.

По свидетельству Валентины Семеновны, в судьбе будущего живописца с поры его детства Мамонтовы сыграли роль огромную, он был не гостем, а членом семьи в гостеприимном московском доме на Садовой-Спасской, в мамонтовской мастерской на Мещанской улице, а еще более – в подмосковном имении Абрамцево, которое вскоре прославится как уникальный культурный и художественный центр России.

Валентине Семеновне запомнилось, что ее первый приезд с сыном в Абрамцево ознаменовался казусом: Савва Иванович Мамонтов встретил гостью с газетой в руках и странным приветствием: «Здравствуйте, покойница!» Оказалось, в этот день был напечатан некролог: «На днях скончалась вдова Александра Николаевича Серова, оставив сироту сына, которому около десяти лет» («Голос». 1875. 12 июня. № 161). Тогда же пришли письма из Рима от Антокольского и из Парижа от Репина «с соболезнованиями, – пишет Серова, – по поводу моей смерти». Смеясь, Мамонтов заключил: «Вам, значит, суждено долго жить». И угадал: ей на долю выпало то, что она считала самым горестным, – пережить и мужа, и сына.

Вспоминая о поездках к друзьям в Подмосковье, Валентина Семеновна благодарно напишет: «Милое, дорогое Абрамцево! Оно было многозначительным, крупнейшим фактором в жизни моего сына как в детском возрасте, так и в годы зрелой возмужалости. Суть абрамцевского очарования в те времена составляла богато и многосторонне одаренная чета Мамонтовых, Саввы Ивановича и Елизаветы Григорьевны».

Мамонтовская Москва, абрамцевский кружок «Саввы Великолепного» на годы и годы станут для Валентина Серо-

ва не только родным домом, где формировалось его дарование живописца, но и важнейшим источником вдохновения. Здесь, с ним рядом, работала, как вспоминает родственник Мамонтовых К.С. Станиславский, «вся художественная Россия» того времени: Репин, Коровин, Поленов, братья Васнецовы, Врубель, Антокольский, Нестеров, Левитан, Остроухов, Неврев... Все они, по словам Станиславского, «почти выросли и, можно сказать, прожили жизнь в доме и семье Мамонтова». В мамонтовском кружке желанными гостями были также братья Антон и Николай Чеховы, Федор Шаляпин, Максим Горький. Здесь, в окружении талантливых кружковцев, Серов создал свои лучшие живописные полотна, здесь им написаны портреты знаменитых россиян и зарубежных деятелей, украшающие ныне залы музеев России, в первую очередь Третьяковской галереи.

В Абрамцеве почти все после венецианское лето 1887 года у Серова ушло на создание портрета, которым начнется счет его шедеврам, – «Девочка с персиками». На нем художник изобразил двенадцатилетнюю дочь Саввы Ивановича Мамонтова Веру. Много позже об этом создании Серова напишут, что им в русское искусство внесено нечто необычное, чего в нем не встречалось, – то, что совсем недавно показали миру французские импрессионисты. С этим новым искусством Серов тогда еще не был знаком, но предугадал его технику – она ему открылась еще там, в Венеции, где им были написаны этюды «Собор Св. Марка» и «Набережная Скъявони», которые будут названы импрессионистскими.

Первым о новаторстве Серова, явленном в его «Девочке с персиками», скажет Михаил Нестеров. Посетив Абрамцево, он 17 июля 1888 года пишет своей сестре: «Из картин и портретов самый замечательный – это портрет, писанный Серовым (сыном композитора) с Верушки Мамонтовой. Рядом висящие портреты Репина и Васнецова кажутся безжизненными образами, хотя по-своему представляют совершен-